

ОТКРОЙ РОТ

Зоя Зной

18+

18+

Зоя Зной

Открой рот

«Автор»

2026

Зной З.

Открой рот / З. Зной — «Автор», 2026

Кира написала разнос на ресторан Реброва. Утром — не претензия, а предложение: двенадцать ужинов. Без телефона. Без записи. На третьем он сказал: открой рот. Не для комментария. Кира гастрокритик с острым языком и пустым холодильником. Игорь Ребров — шеф, который решает, что она попробует и когда. Она думала, что пришла проверить кухню. Осталась проверять, где у неё кончается злость и начинается голод.

© Зной З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 · Пролог	6
Глава 2 · Разнос	7
Глава 3 · Сделка	8
Глава 4 · Ужин один	9
Глава 5 · Откройте рот	10
Глава 6 · Вино	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Зоя Зной

Открой рот

© 2026 Зоя Зной. Редактура выполнена с помощью ИИ.

18+

Глава 1 · Пролог

Разнос пришёл в шесть утра — как нож под дверью.

«Ребров»: претензия на титул, обслуживание как в морге, десерт «скучает по сахару». Подпись: Кира Павлова. Я читал дважды. Не злился на оценку кухни. Злился на точность. Она попала в то, что я прятал годами: контроль важнее радости.

На кухне уже резали лук. Нож стучал ровно — привычный ритм, который обычно успокаивает. Я стоял у окна с телефоном и смотрел на мокрый двор. Пар от сотейников поднимался к вытяжке. Кто-то ругался шёпотом: перец подгорел. Я не обернулся.

Её я видел раз — на чужом гала-ужине. Каре. Красный рот. Смеялась над бокалом и записывала чужие слабости в телефон, будто коллекционировала. Мне тогда показалось: эта девчонка голодна не до еды. До власти словами.

Теперь она лизнула мой ресторан публично.

На столешнице лежал распечатанный текст. Ассистент принёс его ещё тёплым из принтера — края загнуты. Я провёл пальцем по строке «морг» и почувствовал, как саднит старый ожог на предплечье. Не от неё. От себя. От ночи, когда контроль спасает не всегда.

Можно было подать претензию. Можно было игнорировать. Я набрал ассистента:

— Найдите Павлову. Лично. Сегодня. Без прессы.

— И что сказать?

— Что шеф предлагает двенадцать ужинов. Без телефона. Без записи. Если выдержит — узнает, чего не пишут в обзорах. Если уйдёт раньше...

Я замолчал. Ассистент ждал. За спиной шипел соус — кто-то не дождался температуры. Я поднял ладонь — стоп — и снова в трубку:

— ...имя сгорит. Не угроза. Факт отрасли. Передайте вежливо.

Положил трубку. Подошёл к плите, попробовал ложкой то, что подгорало. Соль. Горькость. Правда.

В кармане фартука — список из двенадцати. Не меню. Ритуал. Цифры, которые я никогда не объяснял гостю вслух: сколько нужно вечеров, чтобы рот перестал судить и начал просить. Я сжал бумагу — углы уже затёрты от пальцев.

На разделочной доске кто-то оставил луковую шелуху. Я смахнул её ладонью. Порядок. Всегда порядок. Даже когда внутри — нет.

Я не беру критиков за стол.

Но эту — хочу видеть, как открывает рот не для приговора. Для вкуса. И для того, что вкус делает с телом, когда голова ещё спорит.

Если скажет «нет» — отпущу.

Если придёт — научу голодать правильно.

Глава 2 · Разнос

Статья вышла вчера. Сегодня редактор уже слал сердечки в мессенджер, а я ела гречку из контейнера над раковиной, как всегда после глянца. Публика думает, что критики живут устрицами. Критики живут дедлайнами и стыдом за пустой холодильник.

В холодильнике йогурт без даты, масло, две бутылки воды. На столе блокнот с зачёркнутыми метафорами. Я злилась на себя: ночь после публикации всегда пустая. Слов много. Еды нет.

Сообщение пришло на рабочую почту в полдень.

Кира Павлова. Шеф Ребров предлагает встречу. Сегодня, 19:00, служебный вход «Ребров». Без диктофона. Тема: двенадцать ужинов.

Я рассмеялась вслух. Потом перестала.

Ребров не судится с обзорами, это знает весь город. Значит, хочет крови иначе.

В редакции Вера наклонилась через перегородку и сунула нос в мой экран:

— Ты пойдёшь? Он же...

— Пойду. Напишу продолжение. «Шеф мстит пером» — кликабельно.

— Или тебя съедят, — буркнула она. — Только губную не забудь. Ты без неё — как без оружия.

— Именно.

Надела чёрное, помаду ярче обычного (броню рта) и поехала. В такси перечитывала свой разнос. «Морг». «Скучает по сахару». Звучало остро. И вдруг дешёво. Я убрала телефон в сумку, будто он жёг.

У служебного входа пахло кардамоном и мокрым бетоном. Ассистент молча провёл вниз, мимо холодильных камер, где за стеклом висели туши и блестела сталь, в маленькую комнату с одним столом на двух.

Он уже сидел.

Игорь Ребров. Седина на висках. Ожоги на руках. Взгляд без улыбки. Запах специй и металла, будто кухня приросла к коже.

— Павлова, — сказал он. Не встал.

— Ребров. Пришли мстить отзывом на отзыв?

— Пришёл кормить. — Положил на стол лист. — Двенадцать ужинов. Раз в несколько дней. Без телефона на столе. Без записи. Без фото. Вы едите то, что ставлю. Комментируете мне в лицо, не в ленту. Уйдёте раньше срока — ваши материалы в отрасли перестанут брать seriously. Не я сделаю. Сами сделаете: все увидят, что вы трусили доесть.

Я скрестила ноги. Под юбкой холодило. На листе ровные пункты, почерк человека, который не тратит чернила зря.

— Это шантаж.

— Это приглашение. — Он подвинул лист. — Или «нет». Тогда вставайте и пишите, что я вас пугал. Тоже кликабельно.

Я не встала.

Потому что злилась. Потому что любопытство уже текло ниже злости. Потому что рот — моё оружие — вдруг захотел закрыть глаза и открыться для чего-то другого.

— Покажите правила, — сказала я. — Мелким шрифтом. Я архивирую ложь лучше, чем вы — соусы.

Краешек его рта дрогнул. Не улыбка. Признание удара.

— Хорошо. Тогда слушайте.

Глава 3 · Сделка

Правил было мало. Он говорил коротко, как резал мясо. За стеной гремела посуда: сервис шёл, жизнь ресторана не останавливалась ради моего любопытства.

— Телефон в ящик у входа. — Сидите так, как скажу. — Не фото. Не сторис. Не «друзьям потом». — Перед каждым новым блюдом — «да», если готовы. «Стоп» — если нет. «Стоп» не наказывается. Враньё наказывается уходом без продолжения. — Двенадцать. Не больше. Не меньше. Между ужинами вы живёте своей жизнью. Я — своей.

Я записала в голове, не на бумаге. Бумагу он уже держал.

— А секс? — спросила прямо, чтобы он подавился.

Не подавился. Только откинулся на спинку стула. Китель натянулся на плечах.

— Не в контракте. — Он помолчал секунду. Пожал плечом. — Еда сначала. Остальное — если рот захочет больше комментария.

Щёки вспыхнули. Я сама завела тему и злилась, что он ответил спокойно. В комнате пахло луком с кухни и его кожей: специями, металлом, чуть гарью.

— Почему двенадцать.

— Потому что меньше — месть. Больше — зависимость. Я не коллекционирую критиков.

— А что коллекционируете.

Он посмотрел на мои губы секунду, не дольше, и ответил:

— Контроль. Иногда — вкус. Редко — людей, которые умеют сказать правду и не убежать.

Я взяла ручку из его кармана. Тёплую. Чернила пахли кухней. Подпись вышла криво: рука дрогнула на последней букве. Он не комментировал.

— Ужин один — послезавтра. Двадцать одно ноль ноль. Стол девять. Чёрное. Без яркого — рот и так видно.

— Комплимент?

— Наблюдение. — Встал. — Вы свободны писать, что я манипулирую. Главное — придите голодной. Не по ленте. По-настоящему.

У двери я обернулась:

— А если я всё-таки напишу про вас между ужинами.

— Пишите блюдо. Не меня. — Пауза внутри взгляда. — Меня вы ещё не распробовали.

На улице я закурила чужую сигарету у таксистов и выдохнула в дождь. Мокрый асфальт блестел. В сумке лежал лист, уголок торчал, как обвинение. Между ног тепло, которого статья не заслуживала. Я открыла такси и ещё раз прочитала «двенадцать»: цифра зудела, как голод. Водитель спросил адрес. Я назвала и почти сказала «Стол девять».

Чёрт. Я приду.

Не ради правды отрасли.

Ради того, как он сказал «откройте» ещё до того, как произнёс это вслух.

Дома я разложила договор на кухонном столе и перечитала правила уже без его взгляда. «Стоп не наказывается». Строчка была напечатана обычным шрифтом, без ловушки. Я обвела её ногтем, потом разозлилась на себя и убрала лист в ящик с квитанциями. Это не делало сделку безопасной. Зато оставляло мне дверь. И впервые за долгое время я хотела войти в неё не с диктофоном, а с собственным «да».

Глава 4 · Ужин один

Стол девять у стены, почти без чужих глаз. Телефон сдала в ящик у входа; ладонь потом чесалась, будто ей чего-то не хватало. Ассистент молча закрыл крышку. Щёлк. Ушёл, как будто я сдала не гаджет, а часть языка.

Скатерть белая, жёсткая от крахмала. Приборы тяжелее обычных ресторанных, или мне так казалось. Из зала доносился приглушённый гул: вилки, смех, чья-то просьба «ещё хлеба». Здесь только мы и запах кардамона из кухни.

Первое блюдо холодное, точное, с горечью, которую я в разное назвала бы «претензией». Он стоял рядом, не сел. Смотрел, как я жую. Не на тарелку — на челюсть.

— Ну? — спросила подбородок вверх. — Ждёте вердикт.

— Жду, жуёте ли вы медленно.

Заставила себя жевать медленнее. Стыдно. Во рту раскрывался вкус, который статья убила бы тремя прилагательными: орех, дым, чуть горечи, как от кожуры. Я молчала дольше обычного, и это было хуже любой похвалы.

— Горькое сначала, — сказал он. — Чтобы сладкое потом не соврало.

— Вы всегда философствуете над тарелкой?

— Только когда гость врёт телу. Вы голодны. Прячетесь за красным ртом.

Я почти подавилась. Поставила прибор. На тарелке осталась тонкая полоска соуса. Я провела по ней вилок из упрямства и всё равно не сочла нужным комментировать вслух.

— Это всё ещё еда? Или допрос.

— Еда. — Пододвинул воду. — Допрос будет на третьем ужине. Если досидите.

Второе было тёплым, с дымом, которого я не ждала от «морга». Я схватилась за стакан, чтобы не схватиться за его рукав.

— Не пейте. — Он убрал бокал. — Сначала — вкус. Потом — вода. Иначе вы снова напишете «скушает».

— Я не писала «скушает».

— Писали «претензия». Это хуже.

Третье принесли без слов: рыба с хрустящей корочкой, масло стекало по краю. Четвёртое с лимонной цедрой, которая резала язык приятнее, чем его взгляд. Я доела всё. Ни одного пальца у моих губ, и всё равно ушла с горящими щеками, будто меня раздевали сервировкой.

У выхода он сказал:

— Павлова.

Обернулась. Лампа над нами мигнула, или это я моргнула.

— В следующий раз скажете «да» перед каждым блюдом. Вслух. Привыкайте слышать собственный рот.

— А если скажу «нет»?

— Тогда тарелку уберём. Без обид. Без наказания. — Краешек рта дрогнул. — Но вы пришли голодной. Не врите себе в следующий раз.

В метро я ловила отражение в стекле: помада стёрлась у каймы. Рот выглядел чужим, открытым, красным, без брони. Ниже пояса влажная память голода, хотя я только что ела. Рука всё ещё тянулась к карману за телефоном. Привычка. Привычка соврать миру, что я в порядке.

Дома открыла блокнот. Написала одно слово «медленно» и зачеркнула. Не текст. Признание.

Статья бы написала: «манипуляция». Тело писало: «ещё».

Глава 5 · Откройте рот

Ужин два. Тот же стол. Я уже знала, куда класть руки, чтобы не дрожали, и всё равно дрожали, когда он подошёл без подноса, только с ложкой. Серебро блестело под лампой. Запах лимона ударил раньше вкуса.

— Платье другое, — заметил он.

— Не для вас. Для себя.

— Хорошо.

Первое блюдо он поставил сам: тёплое, пахнущее лимоном и маслом. Пар поднялся между нами, как занавес.

— Да?

— Да, — сказала я, как на таможне.

— Откройте рот.

Открыла. Ложка коснулась нижней губы — не грубо, точно. Металл прохладнее кожи. Я приняла. Жар прошёлся ниже живота от одного того, как он смотрел на мой рот, а не на тарелку. В зал кто-то звякнул бокалом, далеко. Здесь тишина была плотнее ткани платья.

— Не глотайте сразу.

Держала вкус. Слюна. Стыд. Чужой контроль в самой простой вещи на свете. Я чувствовала, как он считает секунды не по часам, а по моему дыханию. На языке сливочное, потом острота, потом тепло.

— Теперь.

Глотнула. Выдохнула сквозь нос.

— Ещё, — сказала прежде, чем подумала.

Краешек его рта снова едва дрогнул.

— Хорошая. — Новая ложка. — Да?

— Да.

Второе короче, острее: что-то с перцем и зеленью. Я моргнула от остроты, а он подождал, не убирая ложку слишком далеко. На третьем он не спросил «да», только посмотрел. Я кивнула сама. Рот уже знал правила лучше головы.

На десерт он обмакнул палец в соус, тёмный и густой, и поднёс к моим губам без ложки.

— Стоп или ещё?

Голос ровный. Как на кухне, когда спрашивают про соль.

Я могла сказать «стоп».

Я обхватила губами его палец.

Соль, сладость, кожа с запахом специй. Он не двигал рукой, пока я не отпустила. Смотрел в глаза и видел, как я сжимаю колени под скатертью. Стыд поднялся к ушам быстрее, чем вкус.

— Достаточно? — спросил.

— Нет, — выдохнула. — ...да.

Он вытер палец салфеткой, будто закончил сервис. Щёки горели так, что хотелось спрятаться за бокал, но бокала не было. Только вода. И его спокойствие.

— Домой. Завтра работайте. Послезавтра ужин три. Наденьте то, в чём рот не конкурирует с тканью.

На улице ветер ударил в лицо. Я стояла у стены ресторана и понимала: мне мокро от ложки и пальца. Не от секса. От власти над ртом. В сумке лежал блокнот, пустой. Сегодня я не записывала ни слова. Слова бы выдали.

И это было хуже, потому что честнее любой постели, которую я выбирала пьяной. Домой ехала стоя в метро: колени ещё не держали сиденье. В отражении окна красный рот без улыбки.

Глава 6 · Вино

Ужин три, винная. Меньше света. Больше воздуха между звуками. Бутылки в стеллажах блестели, как чужие глаза. Он сидел напротив впервые, не стоял над душой. От этого стало страшнее: равная высота — неравная власть.

На мне платье, в котором ткань почти не спорит с ртом. Как он и просил. Я злилась, что послушалась, и всё равно села.

— Да? — бокал у моих губ, его пальцы на ножке.

— Да.

Глоток. Вино кислое, честное, с терпкостью, которая остаётся на языке. Потом он обмакнул два пальца в бокал и провёл по моей нижней губе, стирая след.

— Откройте.

Лизнула. Вино и кожа. Низ живота сжался. Я поймала себя на мысли: если сейчас зайдёт официант, я не смогу поднять взгляд.

— Ещё.

Опять. На третий раз я сама наклонилась, и он остановил меня пальцем у подбородка.

— Не торопитесь. Сегодня медленно.

Лицо загорелось. Разжала кулаки под столом. Платье вдруг стало слишком тонким. Между ног тяжёлое тепло от воздуха и запрета.

— Руки на стол. Ладонями вниз. Не сжимайте бёдра. Я вижу, когда врёт телу.

Я положила ладони на дерево. Дерево было тёплым, или это я. Под ногтями след от лака, который я не успела поправить. Мелочь. А он, кажется, заметил и это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.